

ГАЗЕТНЫХЪ ВЫРЪЗОКЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Надеждинская ул., д. № 32.

Телефонъ № 61-59.

Названіе газеты

РУССКАЯ МОЛВА

Мѣсто выхода

№ 108

дата 30 III 1918 № 108

Благодушіе смиренныхъ.

Исполнилось то, что давно уже предсказывалъ Камилль Мокларъ: Мэтерлинкъ «откажется отъ драмъ и изобразительнаго творчества и посвятить себя исключительно нравственной философіи». Объ этомъ предупреждалъ и рядъ книгъ, въ которыхъ Мэтерлинкъ не творилъ, а бесѣдовалъ: «Сокровище смиренныхъ» (1896), «Мудрость и судьба» (1898), «Засыпанный храмъ» (1902), «Двойной садъ» (1904) и, наконецъ, только что вышедшая—«Смерть» («La Mort», Fasquelle, 1913).

Это былъ медленный путь отъ страха передъ жизнью съ ея тайнами, отъ тихаго шопота, отъ «молчанія»—къ развязной реторикѣ, къ многословію, къ цвѣтамъ краснорѣчія, которые полны не благоуханія, а благодущія.

Странно говорить о «благодущномъ» Мэтерлинкѣ—намъ, пережившимъ поклоненіе его Беатрисѣ, навсегда освященной памятью В. Ф. Коммиссаржевской. Но таковъ, очевидно, удѣлъ «смиренныхъ»: они остаются на порогѣ храма, не смѣютъ войти въ него, ихъ все страшитъ, они всюду видятъ тайны и ужасы, а потомъ, въ одинъ прекрасный день, имъ вдругъ надобѣдаетъ стоять на порогѣ—и они, повернувшись спиной къ алтарю, уходятъ.

Когда-то Мэтерлинкъ ненавидѣлъ смерть, называлъ ее «втирушей». Теперь ему 50 лѣтъ—и онъ рѣшилъ, что пора съ нею подружиться. Пора написать книгу о томъ, что «мы были несправедливы». «Не приходъ смерти страшить насъ, а прекращеніе жизни... Не смерть нападаетъ на жизнь, а жизнь сопротивляется смерти» (стр. 19). Мнѣ стыдно признаться, но я вспоминаю одного русскаго писателя, любимца публики, самаго мудраго изъ всѣхъ мудрецовъ—Кузьму Пруткову. «Все безгранично тамъ, гдѣ нѣтъ границъ» (стр. 213)—развѣ это не варіантъ къ знаменитому афоризму о томъ, что «нельзя объять необъятное»?

Мэтерлинкъ хочетъ быть логичнымъ и методичнымъ. Онъ разсуждаетъ о четырехъ возможностяхъ нашего загробнаго будущаго и строить силлогизмъ на силлогизмѣ, а потомъ, какъ маленький мальчикъ, самъ сдуваетъ всю эту карточную постройку. Надо все «объяснить» (стр. 62), хотя «почти ничего въ этомъ мірѣ не можетъ быть объяснено» (стр. 139). «Надо все сказать» (стр. 195), хотя «лучше знать, что ничего не знаешь, чѣмъ питаться иллюзорными и противорѣчивыми утвержденіями» (стр. 174).

Къ концу книги оптимизмъ автора становится почти Маниловскимъ: «Я ничего не прибавилъ къ тому, что всѣмъ извѣстно... Весьма вѣроятно, что никто въ этомъ мірѣ, а можетъ быть и въ томъ, не откроетъ великой тайны (замѣтьте—здѣсь стоитъ не обычное для прежняго Мэтерлинка слово «mystère», а прозаическое, любопытствующее--«secret»!) вселенной. И, какъ подумаешь, такъ очень хорошо, что это такъ... Если бы не было больше ни неразрѣшимыхъ вопросовъ, ни таинственныхъ загадокъ, то безконечное не было бы безконечнымъ... Невѣдомое и непознаваемое необходимо теперь и всегда будетъ необходимо для нашего счастья. Во всякомъ случаѣ, я не пожелалъ бы своему злѣйшему врагу, даже если бы его мысль была въ тысячу разъ выше и сильнѣе, чѣмъ моя, быть осужденнымъ на вѣчную жизнь въ мірѣ, сущность котораго онъ уловилъ и въ которомъ, оставаясь человекомъ, онъ сталъ кое-что понимать». Такъ кончается эта вялая, салонная книга.

«Сокровищемъ смиренныхъ» оказалось—Б л а г о д у ш і е!

Б. Эйхенбаумъ.